

«Хрущевки», однако, наиболее поздней серии 1–447 велась сообразно всему городку с 1960-х до начала 1980-х годов, они определяют строительный образ фактически всех улиц города. Типовые «пятиэтажки» построены и вдоль основных улиц, и внутри кварталов, видятся они и на первых улицах города. Что, непременно негативно воздействует на строительном виде улиц и города в целом. Неимение на фасадах декора, предельная элементарность формы формируют монотонность пространственной среды города. [2]

Микрорайоны Казани были рассчитаны на «среднего жителя». О жителях как потребителях тогда никто не задумывался, не было и запроса на какие-то различные личные сервисы. В каждом микрорайоне открывались кафе, детские сады и т. д. В данный момент ситуация в корне поменялась, 1-ые микрорайоны основывались с расчётом на 25 лет. Никто не намеревался основывать цельные города из микрорайонов. Основная задача была в том, чтобы выстроить что-то быстро и дёшево. Конструкция микрорайона разрушилась с распадом СССР: стройка общественной инфраструктуры, жилых построек перешла в руки инвесторов, а к сопутствующему строительству они не постоянно относятся пристально, поэтому таковая система не выгодна в материальном плане.

В 1990 году Казань делается столицей суверенной Республики Татарстан. Строительный образ не воплощал позитивного итога, он строг, статичен. Главной целью, не было сотворить эстетический образ, в то время акцентировался интерес для построек стремительной площади проживания.

Многофункциональные аспекты. В 1960-х годах суммируется неудовлетворенность габаритами и планировкой квартир, что через время привело к популярным позитивным сдвигам и в проектировании строительстве. Покупатель архитектуры чрезвычайно быстро реагирует на новейшие удобства, неудовлетворенностью конкретным окружением микрорайонного пространства. Неравномерностью градостроительного удобства в разных районах новейшего строительства.

На уровне общих надзоров все это понятно, казалось бы, нищеты в особой социологии архитектуры не появляется. Надзор лишь тогда получает беспристрастность основания планировки и проектирования, когда облачается в факты, числа. Типовые дома. Период с 1963 – середина 70-х годов ознаменовался появлением сначала девятиэтажных, а позднее и двенадцатиэтажных домов, какие отличались от пятиэтажек только не кардинально увеличенной площадью квартир и этажностью, в народе получили название «Брежневки». Середина 70-90-х - время, когда стали возводиться «Поздние Брежневки». Так называемые «Поздние Брежневки» отличались большим разнообразием, чем все прошлые, более удачными типовыми планировками квартир. Наиболее удачные серии четвертого периода были изменены и возводятся в настоящее время. [3]

Огромная численность домов серии 1-464 была построена в городах Иваново, Казань, Челябинск, Новосибирск и мн. др., в т. ч. в нескольких городах Украины и Белоруссии. В Казани - это улицы со «Сталинками» на ул. Челюскина, «Хрущевки» на ул. Гвардейской (Дома серии 1-528), блочная «Брежневка» на ул. Капылова (дома серии П-18/12), ул. Максимова (Дом серии 164-80-4), ул. Сафуллина (Дом серии 1-528КП-80). Были все однотипными и наскоро выстроенными.

Вывод

В данный момент любой из нас сопричастен к творению и строительству новейших объектов строений и сооружений, ансамблей площадей и улиц современному и во многом неповторимому облику города и поселений нашей Республики. Проектировщики, архитекторы несут огромную ответственность за грядущее создание жилых районов, микрорайонов. Рядовая неувязка хоть какого микрорайона, который нередко базируется, чтоб просто было. Необходимо не только строить новое, но ещё вспомнить прошлые построения имеющихся микрорайонов. Для проектирования нового микрорайона следует использовать цельный позитивный и учитывать негативный эксперимент проектирования 1960-1980 год. Запроектировать место, в котором людям понравится быть. Нарастить степень проектирования жилых районов, позволяющие предотвратить возникновение однообразной и негативной постройки, создать высокохудожественные градостроительные ансамбли, с жилыми и общественными зданиями расположенными на озелененных местах, с развитой инфраструктуру в целом.

Литература

1. Все дома Россия, г. Казань, 2014. URL: <http://www.vseodomarossii.ru/city/1066> (дата обращения 6.11.14)[1]
2. Фадеева Н.А. Исследовательская работа. Пространственно-планировочная структура Казани и Москвы. г. Кзань. 2013. URL: <http://www.calameo.com/books/001347096062d62096275> (дата обращения 10.11.14)[2]
3. Россия, г. Казань, 2014. URL: <http://burg.e-kazan.ru/news/klepatsky/>(дата обращения 2.12.14)[3]
4. «Планировка и застройка территорий. Архитектурно-пространственный облик городов и районов Республики Татарстан» г. Казань, 2000. – URL: <http://rudocs.exdat.com/download/docs-226727/226727.doc>. (дата обращения 6.11.14)

References

1. Vse doma Rossija, g. Kazan', 2014. URL: <http://www.vseodomarossii.ru/city/1066> (data obrashhenija 6.11.14)[1]
2. Fadeeva N.A. Issledovatel'skaja rabota. Prostranstvenno-planirovochnaja struktura Kazani i Moskvy. g. Kzan'. 2013. URL: <http://www.calameo.com/books/001347096062d62096275> (data obrashhenija 10.11.14)[2]
3. Rossija, g. Kazan', 2014. URL: <http://burg.e-kazan.ru/news/klepatsky/>(data obrashhenija 2.12.14)[3]
4. «Planirovka i zastrojka territorij. Arhitekturno-prostranstvennyj oblik gorodov i rajonov Respubliki Tatarstan» g. Kazan', 2000. – URL: <http://rudocs.exdat.com/download/docs-226727/226727.doc>. (data obrashhenija 6.11.14)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PSYCHOLOGY

Абушаева М.Э.¹, Языков К.Г.²

¹Старший преподаватель (Национальный исследовательский Томский политехнический университет), ²доктор медицинских наук, профессор (Сибирский государственный медицинский университет; Национальный исследовательский Томский государственный университет),

ЛИНГВОПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КОНСТРУКТА «ТРЕВОЖНОСТЬ»

Аннотация

В статье рассматривается проблема выявления этновариативной дифференцированной языковой маркировки эмоциональных состояний. Решение возможно в рамках лингвопсихологического изучения и холистического синергетического подхода. Представлены возможные подходы к анализу проблемы «тревоги».

Ключевые слова: тревога, лингвопсихология, синергетика.

Abushaeva M.E.¹, Yazykov K.G.²

¹Senior teacher (National Research Tomsk Polytechnical University); ²Dr Sci, PhD (Siberian State Medical University; National Research Tomsk State University)

LINGVO-PSYCHOLOGICAL DOMAIN OF CONSTRUCT OF ANXIETY

Abstract

The problem of identifying ethnic-variative linguistic marking of emotional states is considered. Solution is possible by linguo-psychological study and holistic synergetic approach. The possible approaches to the analysis of the problem of "anxiety" are presented.

Keywords: anxiety, lingvo- psychology, synergetics.

Актуальность темы определяется необходимостью изучения лингвopsихологической эволюции человека. Этот тезис выражает стремление расширить понимание психических состояний, используя богатство языка, его исторической и глубинной основы.

Множество связей человека с внешним и внутренним миром предметов и людей создает условия для их обозначения. Цель этого процесса сохранить устойчивость познания и возможности развития. Естественный путь речевого оформления есть залог противостояния деградации, пути к бесформенному хаосу, беспонятийной пустоте.

Согласно В.З. Демьянкову [1] лингвopsихологический анализ является методом обнаружения закономерностей эволюции лексической семантики терминов человеческой *деятельности* (курсив наш).

Человек с помощью сложного понятийного аппарата сознания и языка выделяет себя из мира. Лингвopsихологический метод как глубокий, связанный с филогенезом человеческого сознания, мышления и речи, позволяет выявить особенности восприятия мира и собственные состояния. Разнообразие выявленных описаний указывает на возрастающую сложность психической активности в антропогенезе.

Но не только природные явления и внутренние состояния, но и социотехнологические уклады «второй» антропогенной природы осмысливаются и маркируются в семиотической сфере, используя все доступные и конструируемые ресурсы языка.

Это означает существование актуальных потенциальных когеренций между предметной и знаковой сферами. В этом заключается первый посыл работы.

Второе положение статьи привлекает внимание к выявлению этновариативной дифференцированной языковой маркировки эмоциональных состояний.

Третий тезис указывает на состояние неопределенности в психологических системах как показатель подготовки к очередному этапу их развития.

В типологии Э. Тоффлера [2] первые две социотехнологические революции это аграрно-ремесленная и индустриальная, третья является информационной.

Аграрно-ремесленная трансформация способствовала появлению сельскохозяйственных культур и одомашниванию животных. Эти процессы высвободили мощные тектонические культуральные силы. Синхронно шло закрепление этих процессов в мышлении и языке. «Новый» квазиуниверсальный язык информационного уклада затронул все культурные языки, и этот процесс пока далеко не осознан. Спонтанно шел процесс порождения псевдоязыков. Так в русском языке появился т.н. «олбанский» диалект, талантливо описанный Кронгаузом [3] Есть два метафорически обозначенных варианта технокультурных соответствий. Согласно М. Маклюэну «вначале мы создаем технологии, а потом они формируют нас». Обратная метафора определяет «многообразие мира из человека», точнее из его языка.

В соответствии с неоднородностью этих процессов в антропологических этнических группах и географических районах, а также очевидной их связью с генетическими популяционными процессами и селекцией отмечается высокий уровень лингвopsихологической гетерогенности.

Можно предположить, что в этнических группах качество и выраженность эмоциональных состояний различаются. Это отражается в названиях этих состояний и неточности межъязыкового соответствия. Такого рода отношения определяют как гомоморфные. Отношение гомоморфизма является более общим (и более слабым в сравнении с изоморфизмом). Эти когерентные лингвopsихологические отношения являются показателями уникальных траекторий развития этносов, в которых аккумулированы результаты экологических (в широком смысле) влияний.

Этнические различия в свою очередь предполагают вариативность и гетерогенность классов эмоциональных состояний. Это означает возможные несоответствия их обозначений в разных языках.

Современная наука является преимущественно англоязычной и поэтому монолингвистичной. Это есть, в сущности, определенное упрощение и нивелировка использования богатых возможностей других развитых языков.

Согласно второму положению в неоднородной этнической и природной среде, насыщенной богатством реальности, отмеченной языковой семантикой, рожденный и воспитанный человек в последующем попадает в универсум техномира, «простого» и рационального. Очевидно, что в «простом» мире легче функционировать, но не жить, а, следовательно, не актуализировать исходно заданный культурно-генетический ресурсный потенциал.

Очевидно, что семантические поля эмоциональных состояний в разных этносах не только не изоморфны, но даже не гомоморфны. Априори можно полагать, что этнопсихология предполагает не только широкую вариативность классов эмоциональных состояний, но и их обозначений.

Рассмотрим сложный психологический конструкт «тревожность» (Т). Интересно проследить его лингвopsихологическую эволюцию. Есть основания полагать, что это понятие появилось относительно недавно. Для этого необходимо обсудить, что оно означает, и существуют ли ему какие-либо эквиваленты в других языках.

Опираясь на авторитетные данные антропологов и историков культуры, можно предполагать некий универсализм базовых эмоций страха, гнева и радости. Дифференциальные сегменты базовых эмоций вряд ли были знакомы людям, ибо они находились за гранью сознания. Неясность, расплывчатость и бессознательный ресурс выводили их за грань реальности в область магического и религиозного. Скорее им соответствовали определенные существа – духи, боги. Мы склонны утверждать, что речь человека, а значит рациональное мышление (здесь радио- как разум) имела интермедиативную стадию персонификации состояний как «богов».

В области знаний психологии человека (Т) появляется как термин, определяющий центральную тему 20-го века после того, как С. Кьеркегор проявил к ней пристальное внимание. [4] У С. Кьеркегора тревога определяется посредством слова «angest» (дат.). Для него «тревога» является очень сложным явлением, которое предполагает свое действие на каждом уровне и в каждой сфере человеческого существования.

В работе «Свобода и ответственность» Кьеркегор писал: «Тревога является реальностью свободы – как потенциальность, предшествующая материализации свободы». Т.е. тревога это нечто уже другое, чем страх или слова близкие в семантическом поле этого понятия. (Т) это скорее страх свободы. В этом смысл высказывания.

Тревога есть некое диффузное состояние эмоциональной сферы.

С позиции неклассической антропологии, выраженной, например, в представлениях трансперсональной психологии, человек «обречен» на самоактуализацию. Это положение определяет новое понимание природы человека, сложившееся в середине 20 века. Это случилось после того, как человек прошел через две опустошительные мировые войны и создал арсеналы оружия для насилия и полного самоуничтожения. Но как эволюционируют новые понятия, и какие состояния они маркируют?

Вопрос связан с тем, с какой реальностью мы имеем дело в **актуальном современном** понимании смысла (Т). Но даже это утверждение можно подкреплять с разных позиций и получить разные свидетельства. В определенной степени существует некий неопределенный аксиоматический консенсус с неполной рефлексией. Гипорефлексивность большинства понятий является общим местом. Здесь работает принцип экономии, принцип минимального умственного действия. Можно отобразить эту ситуацию метафорически: а(гипо-)рефлексивность ряда понятий приводит к тому, что они принимаются рефлексивно. Но главным актуальным значением принимается то, что (Т) определяет некую сущностную особенность человека.

Протицируем Римантаса Кочюноса: «...В психотерапевтической практике часто встречается парадокс – сосуществование в одном человеке осознания необходимости изменений и желания ничего не менять в приносящей страдание, но устоявшейся,

жизни. Кстати, и после эффективной психотерапии клиенты нередко уходят с большей тревогой, чем пришли, но с качественно другой тревогой» [5] Т.е. изменение и страдание, покой и движение есть два аттрактора (говоря синергетическим языком) динамики существования.

Анна Вежбицкая сыграла важную роль в сравнительном анализе культурно-этимологических сущностных понятийных образований. В книге «Семантические универсалии и описание языков» в разделе «Лексическая семантика в культурно-сопоставительном аспекте» рассматривается конструкт «Angst». [6] Он предстает в развитии как многозначное разветвленное образование, уже не вмещающий только один смысл. Т.е. психические состояния усложнились, но для них знак остался тем же. Это также указывает на существование некоего свойства еще безнакового смысла - символа, зарождающегося аттрактора.

В разделе «Angst» цитируемой книги Вежбицкая говорит о Лютере, для которого тревога, страдания и расстройство неразрывно связаны в контексте религиозной веры, т.е. как острого переживания будущего. Реформация стала возможной потому, что к этому времени (XV век) сформировались европейские языки как средства мышления. Известно, что к середине XVI века Кальвин, наряду с Рабле, создали национальный литературный язык. Литературный язык, в сущности, дал наиболее полное выражение мысли, позволил озвучить или вводить новые символы.

Многие авторы рассматривают понятие «Angst» или производное от него Anxiety. В разных словарях английского языка (к примеру, в Oxford dictionary) этим словом обозначаются: 1)беспокойство, тревога, боязнь, страх 2) забота, опасение и даже страстное желание сделать что-нибудь. Очевидна полисемия этого слова. Там же читаем, что данное слово появляется в начале 16 века из латинского *anxius*. В староанглийском это слово обозначалось как *sorgcearig* (Англо-Староанглийский словарь).

Синонимы термина: *afraid, aghast* (пораженный ужасом), *ascared, fearful, frightened, scared* (испуганный), *scary, terrified*. Связанные слова: *agitated, apprehensive, jittery* (пуливый, нервный, тревожный), *perturbed* (обеспокоенный, возмущенный), *upset, worried; alarmed, bothered, disquieted* (беспокойство, волнение, смятение, тревога), *troubled, uneasy* (неловкий, скованный, беспокойный, тревожный).

Этимоны (Т) в русском языке связаны с редукцией слова на части тре-, во-, -га. Частица «-га» означает движение (например нога, дорога). Тре – означает умноженное качество, а частица **во** – есть редуцированная форма волна, волнение. Более правильное произношение слова (Т) – тре-вол-га, треволнение. Наша версия: тревога – трево-га – чрево-га т.е. волнение чрева, живота, как частый психосоматический эквивалент тревоги.

Как психиатрический термин (Т) используется лишь с 1904 г.

Существует **генетическая** тропность к родному языку или родственному языку. Хотя это сильное утверждение требует доказательств. Однако здесь возможно одно из объяснений душевного отклика русского человека на поэзию болдинского периода, смятения и беспокойства души к песням и литературе. Поэт улавливает «уже существующие образы» и превращает в действительность потенциальное [7] (из О. Мандельштама, цит. по Е. Князеву, С. Курдюмову).

Психология как наука о душевной деятельности человека является ровесницей нынешнего этапа мировой истории, характеризующегося форсированным технологическим прогрессом и тенденцией к функциональному антропоцентризму. [8]

В синергетическом (естественнонаучном) подходе (Т) есть состояние, соответствующее т.н. **HS**-режиму. Согласно Е. Князевой он соответствует спаду активности и растеканию по старым следам ([7] с.173). В **HS**-режиме нет локализации, все структуры и неоднородности размываются, стираются.

Действительно, согласно Изарду, «тревога - это комбинация или паттерн эмоций». По Ясперсу: «тревога ощущается вне связи с каким-либо стимулом («свободно плавающая тревога»).

Это состояние не имеет фокуса, оно нелинейно и подвержено слабым влияниям. В ряде случаев изменению-защите этого (от) состояния способствует особого рода деятельность, т.н. ритуализированное навязчивое поведение (компульсии).

В зарубежной психологии развивались представления о психологических защитах как способах преодоления тревоги (Адлер А., Кляйн М., Райх В., Фрейд А., Фрейд З., Фромм Э., Хартман Х., Хорни К., Юнг К.Г.).

Также в психоаналитическом подходе предполагается рассмотрение образа значимого Другого как интроекта, выполняющего функцию защиты от тревоги (Гринэкр Ф., Кернберг О., Кохут Х., Сандлер Дж., Фрейд З.) [9].

Можно утверждать, что еще недостаточно изучены не только сами эмоции, но и их языковая репрезентация [10], а уж тем более не проведен их лингвопсихологический анализ.

Вкратце можно определить (Т) как некое метастабильное состояние психики, имеющее древние корни в историогенезе. В психической сфере в исторической трансперспективе оно порождает множественные смыслы и лингвоформы. Необходимость «комбинированного» подхода к изучению эмоций, обращение одновременно к различным наукам и научным методам объясняется сложностью изучаемого объекта, который нельзя полностью объяснить, оставаясь в рамках одной дисциплины. Описание и изучение эмоций требует привлечения методов и знаний различных наук [10].

На наш взгляд, сочетание лингвопсихологического и синергетического подходов в холистической психонейробиологической модели может дать плодотворные результаты. Опираясь на высказывание талантливого философа и синергетика Е. Князеву, совместим его с предметом данного исследования в том, что состояния, именуемые общим термином тревога, представляют «коэволюционный когнитивный ландшафт как сложноорганизованную систему, разветвленную сеть адаптированных ниш». Заканчивая, перефразируем цитату «Язык может быть использован как самостоятельный инструмент познания психоисторической реальности».

Литература

1. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания, 1994.- №4.- С.17-33 (URL:<http://www.infoplex.ru/LINPSY.html>).
2. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 784 с.
3. Кронгауз М.А. Самоучитель олбанского / Максим Кронгауз. – Москва: АСТ: CORPUS, 2013. - 416 с.
4. Леонтьев Д. Экзистенциальная тревога и как с ней *не* бороться // Московский психотерапевтический журнал. – 2003. – №2. – С. 107–119.
5. Качюнас Р. Свобода и психотерапия. (URL: <http://hpsy.ru/public/x743.htm>).
6. Семантические универсалии и описание языков» в разделе «Лексическая семантика в культурно-сопоставительном аспекте. Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Бульгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I-XII.-780 с.
7. Князева Е.Н., С. Курдюмов С.П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: КомКнига, 2007.- 272 с.
8. Белоусов С.А. Психология духовной зрелости личности в перспективе святоотеческого подхода. (URL: <http://hpsy.ru/public/x2346.htm>).
9. Дёмина Л.Д., Табурова Т.С. Отношения со значимым Другим как ресурс совладания личности с трудной жизненной ситуацией // Известия Алтайского государственного университета. - №2. – 2010. - С. 60-62.
10. Воронин Л.В. Мы и наши эмоции: восприятие эмоции страха русским, немецким и английским социумами (на материале текстов М. Булгакова, К. Тухольского и переводов их произведений на английский язык) // Актуальные проблемы лингвистической культурологии - 2: Материалы XI научно-практической конференции. – М.,2004.-С.25-32.

References

1. Dem'jankov V.Z. Kognitivnaja lingvistika kak raznovidnost' interpretirujushhego podhoda // Voprosy jazykoznanija, 1994.-№4. – S.17–33 (URL: <http://www.infolex.ru/LINPSY.html>).
2. Toffler Je. Tret'ja volna. – M.: OOO «Firma «Izdatel'stvo AST», 1999. – 784 s.
3. Krongauz M.A. Samouchitel' olbanskogo / Maksim Krongauz. – Moskva: AST: CORPUS, 2013. - 416 s.
4. Leont'ev D. Jekzistencial'naja trevoga i kak s nej ne borot'sja // Moskovskij psihoterapevticheskiy zhurnal. – 2003. – № 2. – S. 107–119.
5. Kachjunas R. Svoboda i psihoterapija. (URL: <http://hpsy.ru/public/x743.htm>).
6. Semanticheskie universalii i opisanie jazykov» v razdele «Leksicheskaja semantika v kul'turno-sopostavitel'nom aspekte. Per. s angl. A. D. Shmeleva pod red. T. V. Bulyginoj. – M.: Jazyki russoj kul'tury, 1999. – I-XII.-780 s.
7. Knjazeva E.N., S. Kurdjumov S.P. Sinergetika: Nelinejnost' vremeni i landshafty kojevoljucii. M.: KomKniga, 2007.- 272 s.
8. Belousov S.A. Psihologija duhovnoj zrelosti lichnosti v perspektive svjatootecheskogo podhoda. (URL: <http://hpsy.ru/public/x2346.htm>).
9. Djomina L.D., Taburova T.S. Otnoshenija so znachimym Drugim kak resurs sovladanija lichnosti s trudnoj zhiznennoj situaciej // Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. - №2. – 2010. - S. 60-62.
10. Voronin L.V. My i nashi jemocii: vosprijatie jemocii straha ruskim, nemeckim i anglijskim sociumami (na materiale tekstov M. Bulgakova, K. Tuhol'skogo i perevodov ih proizvedenij na anglijskij jazyk) // Aktual'nye problemy lingvisticheskoj kul'turologii - 2: Materialy XI nauchno-prakticheskoj konferencii. -M.,2004.-S.25-32.

Игнаткова И.А.

Кандидат психологических наук,

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета

ОСОБЕННОСТИ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ, ПОСТУПАЮЩИХ В МАГИСТРАТУРУ

Аннотация

В статье рассмотрены особенности учебной мотивации студентов, поступающих в магистратуру. Раскрыты основные мотивы, которыми руководствуются студенты-бакалавры, принимающие решение о продолжении обучения на второй ступени вузовского образования.

Ключевые слова: учебные мотивы, студенты, магистратура.

Ignatkova I.A.

Candidate of psychological sciences,

Sterlitamak Branch of Bashkir State University

FEATURES OF EDUCATIONAL MOTIVATION OF STUDENTS ENTERING THE MAGISTRACY

Abstract

The article describes the characteristics of educational motivation of students entering graduate school. It outlines the main motivation of the undergraduate students who decide to continue to the second stage of higher education.

Keywords: educational motives, students, graduate.

Проблема изучения мотивов, определяющих качество учебной деятельности студентов, безусловно, является актуальным для современной психологии. В разное время в России учебную мотивацию исследовали множество ученых: Н.Ц. Бадмаева, Е.П. Ильин, Г.Н. Казанцева, Ю.М. Орлов, Т.В. Сорокоумова и многие другие. Однако в свете продолжающегося перехода российского образования на двухуровневую систему особо актуальным становится вопрос об особенностях учебной мотивации студентов бакалавриата и магистратуры.

Магистратура как вторая ступень высшего образования предполагает, прежде всего, нацеленность студента на научно-исследовательскую деятельность при изучении определенной узкой специализации. В магистратуру поступает всего лишь 25-30% вчерашних бакалавров. Этот факт может объясняться рядом причин, как экономического и территориального характера, так и личностными особенностями студентов, в частности их учебной мотивацией.

С целью изучить особенности учебной мотивации студентов, нацеленных на поступление в магистратуру с целью продолжения образования, мы провели эмпирическое исследование.

Базой исследования выступил факультет педагогики и психологии Стерлитамакского филиала ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет». Испытуемыми являлись студенты 4 курса, обучающиеся по направлениям подготовки «Психология и социальная педагогика» и «Начальное образование».

На первом этапе нашего исследования мы провели опрос, целью которого было выявить намерения студентов поступать в магистратуру. В итоге, из 103 человек нацелены на поступление в магистратуру 46 студентов бакалавриата.

Для изучения мотивации обучения в магистратуре на втором этапе исследования нами были использованы следующие методики: методика изучения мотивации обучения в вузе Т.И. Ильиной [1] и методика для диагностики учебной мотивации студентов (А.А. Реан и В.А. Якунин в модификации Н.Ц. Бадмаевой) [2].

На третьем этапе исследования были проанализированы полученные результаты. Так, по методике изучения мотивации обучения в вузе Т.И. Ильиной были рассмотрены полученные средние показатели. По шкале «Приобретение знаний» средний показатель составил 7,2 (при максимально возможном 12,6). Это может свидетельствовать о том, что студентам, заканчивающим обучение на ступени бакалавриата, не хватает полученных знаний, и они стремятся восполнить имеющиеся у них пробелы. По шкале «Овладение профессией» средний балл составляет 8,4 из максимально возможных 10 баллов. Мы можем говорить о том, что студенты нацелены на изучение узких отраслей своей будущей профессиональной деятельности. И по шкале «Получение диплома» средний показатель среди испытуемых – 3,4 при максимальных 10 баллах. Таким образом, мы можем говорить о том, что студенты, поступающие в магистратуру, ориентированы, прежде всего, на получение знаний в своей профессиональной области и овладение теми умениями и навыками, которые необходимы им для дальнейшей работы.

В методике диагностики учебной мотивации студентов (А.А. Реан и В.А. Якунин в модификации Н.Ц. Бадмаевой) выделяется 7 основных групп мотивов. Среди испытуемых максимально выраженными оказались следующие мотивы: профессиональные, учебно-познавательные и мотивы престижа. Это свидетельствует о том, что студенты, ориентированные на поступление в магистратуру стремятся, прежде всего, овладеть профессией в полной мере. При этом студенты считают, что данная профессия является востребованной в обществе и может принести им признание и успех. Наименее выраженным мотивом является мотив избегания. Студенты уже не ориентируются на успехи других людей, меньше сравнивают себя со своими одноклассниками в пользу последних.

Таким образом, центральным мотивом, определяющим нацеленность студентов последнего курса бакалавриата на дальнейшее поступление в магистратуру можно считать стремление в полной мере овладеть своей будущей профессиональной деятельностью.